

Михаил 'g.A.Mauzer' ТОКМАКОВ (г.Новокузнецк Кемеровской обл.)

ГРУЗ В ЖЕСТИ

— Присаживайся, — сказал редактор, сделав приглашающий жест.

Коротко кивнув, Ирина уселась на стул. По привычке корреспондент положила перед собой блокнот с заткнутой за спираль ручкой.

Редактор некоторое время молчал, упёршись в молодую женщину взглядом. Обратив на это внимание, Ирина в свою очередь принялась разглядывать Ваганыча (как называли за глаза Евгения Ивановича, имея в виду внешнее сходство с прототипом: «солидную» фигуру с бюргерским животом, некоторую ушастость и начавшую пробиваться седину). Какое-то странное, словно судорожное, выражение лица редактора наводило на нехорошие мысли.

— Как дела? — начал между тем Ваганыч — издалека, что называется. — Как сын,

растёт большой?

— Да, — сдержанно ответила Ирина. Такой «издалечий» старт разговора только усиливал её подозрения.

— А семья как, нормально? Все живы-здоровы?

— Всё в порядке.

— Значит, сына есть с кем оставить?

— Евгений Ваг... То есть, Евгений Иванович, что вы ходите вокруг да около? — спросила женщина, сложив ладони на крышке стола. — Из ваших слов уж ясно, что командировка. И я не понимаю, к чему эти предисловия. Как будто в первый раз.

Редактор закашлялся.

— Тьфу ты, господи, — проворчал он, откашлявшись, и полез в карман за платком. — В том и дело, Полозова, что в некотором смысле в первый раз.

— Эм... Не поняла, — призналась Ирина, недоумённо пожав плечами.

— Сейчас объясню, — пробурчал Ваганыч, заталкивая платок обратно. — В общем, дело обстоит так. Чечня, будь она неладна. От нашего города, там собровцы лямку тянут и ещё кое-кто. А недавно отправили батальон мотострелковый. А в батальоне том — полным-полно новобранцев, по летнему призыву набранных. И, сама понимаешь, забурлило. Засим оттуда, — редактор, намекая откуда, указал пальцем в зенит, — нам спустили просьбу-приказ: выделить корреспондента, чтобы съездил, поглядел и

написал что-нибудь про наших. Что-нибудь успокоительное: солдат спит — служба идёт, дружба народов, боевое братство родов войск и так далее. Сейчас там вроде как затишье относительное. Вот об этом, дескать, и надо рассказать.

— Вон как, — протянула Ирина. — Чтоб заткнулись, короче говоря.

Ваганыч кивнул в ответ.

— Хороший подход к делу.

— Ну... Сама знаешь: у нас власть спокон века такого подхода придерживается. Да и не только у нас, наверное, — пожал плечами редактор. — Ну, думаю, уже всё понятно.

— Понятно, — со вздохом кивнула корреспондент.

— Учитывая, какое дело, отказаться можно, слова тебе никто не скажет. Собственно, я тебя и позвал-то потому, что двое уже отказались.

— А кто?

— Ремезов и Щаденко. Эх, — усмехнулся редактор, — второй хоть честно сказал: «Боюсь!» А Ремезов — этот начал гнутья: «Да я, мол, честный журналист, туфту писать не хочу!» Вот такая загогулина... Что скажешь?

— А что сказать? Раз уж бабу на войну посылаете — значит, больше и в самом деле некого, — развела руками Ирина. — Значит, придётся ехать. И этот «честный журналист» заодно пусть язык свой засунет куда поглубже.

— Значит, добро?

— Добро, Евгений Иванович.

— Ну, спасибо, подруга! — повеселел редактор. — Тогда билеты-документы — как всегда у секретаря. И ещё кое-что, секунду... — Сделав успокоительный жест, Ваганыч полез в ящик стола. — Вот, адресочек. «Солдатские матери», знаешь? Благотворительностью занимаются.

— Слышала, — кивнула корреспондент.

— Они на неделе отправляют груз. Гуманитарная помощь: тушёнка там, сгущёнка. Я позвонил, договорился, чтобы взяли тебя с собой. С провожатыми всяко лучше: хоть не одна там будешь. Надо бы тебе заехать к ним, утрясти моменты. Заодно расскажут, что там и как. Что одеть, что с собой взять, ну, и так далее.

— Понятно, — кивнула Ирина, разглядывая блокнотный лист с адресом. — Заеду... Да прямо сейчас и заеду, только за бумагами зайду.

Ирина постучалась в безликую дверь и, не дожидаясь ответа, открыла её и просунулась в кабинет. Первым, что попало на глаза, были выдавший виды стол ещё советского производства и сидевшая за ним над какой-то бумагой довольно объёмистая кудрявая женщина. Вместе со столом она занимала не меньше половины крохотного помещения.

— Можно?

— Ну, в общем-то, как бы, уже, — ответила женщина неожиданно радушным тоном и широко улыбнулась. — Здравствуйте.

— Добрый день, — тоже заулыбавшись, ответила корреспондент.

— Заходите, заходите. Там стул, дальше не пойдёт, — пояснила хозяйка, когда гостя в недоумении пыталась и не могла открыть дверь нараспашку. — Вы ведь Ира?

— Да, — кивнула Ирина, войдя в кабинет. Когда она закрыла дверь, помещение — оказалось ей ещё меньшим: и действительно, в комнате, занятой столом, двумя стульями, маленьким шкафчиком и кудрявой женщиной, почти не оставалось свободного пространства. Правда, корреспондент заметила, что напротив входа была ещё одна дверь. — Вам звонили из редакции?

— Да, да, буквально полчаса назад, — закивала хозяйка, не переставая улыбаться. — Кстати, Зоя Михайловна, можно просто Зоя.

— Очень приятно, — ответила Ирина, протягивая руку для приветствия.

— А мне как приятно! Никогда ещё не доводилось говорить с «акулами пера»! — весело засмеялась Зоя, жестом приглашая сесть. — Значит, с нами поедете?

— Выходит, так, — кивнула корреспондент, опустившись на расшатанный советских же времён стул. — Приехала навести мосты, так сказать.

— И верно, и верно, — снова закивала Ирина новая знакомая и замахала руками. — А то как бывает: человека дадут в довесок, а он и не знает, куда едет-то, и как вообще надо... Давайте бумаги.

— Конечно...

Где-то с минуту Зоя рассматривала документы.

— Ну вот, вот... — потрясла она пачкой бумаг и протянула их обратно. Ирина уже подумала, что что-то не так, но тут Зоя добавила. — Всё прекрасно!

— Ага... А я... Ну, неважно, — улыбнувшись, Ирина спрятала бумаги обратно в сумку. — Я собственно, что хотела узнать...

— Да, да, да? — наклонившись вперёд, спросила хозяйка. Ирина вскинула руки, придумывая вопрос, не нашлась, что сказать, хлопнула в ладоши и улыбнулась. — А-а-а-а, понятно, — Зоя в своей манере снова часто закивала, — что, как, куда, когда. Да?

— Да, — усмехнувшись, ответила Ирина.

— Не стесняйся. Многие затрудняются, ты такая не одна.

— Ну, просто... Понимаешь, я была в дальних командировках, но не в таких, — пожала плечами Ирина, тоже переходя на «ты».

— Лучше бы никому в таких командировках не бывать, — помрачнев, отмахнулась Зоя.
— Слава Богу, мой в девяносто первом из армии вернулся, до всей этой ерунды... Ладно, не будем о печальном, сейчас всё объясню. Ну, груз сначала поедет отдельно от нас, да и не твоя забота он... Ну, приходи на вокзал за час до отъезда, я тебя там буду встречать...

— Стоп, стоп... То есть с тобой поедем?

— Да. А что? — спросила Зоя, удивляясь вопросу гостыи.

— Ничего, — Ирина отрицательно помотала головой. — Просто... Я не понимаю: это что, такая новая мода — баб в «горячие точки» посылать?

— А-а-а-а! — протянула секретарь и звонко рассмеялась. — Да нет, тут другое, — начала пояснять она, видя озадаченность в глазах корреспондента. — У нас раньше грузы сопровождал Владимир Александрович. Он сам старый вояка, в Афгане был. Но тут вмешались другие силы. Заболел. Ап-пен-ди-цит! — по слогам заявила Зоя. — Так что вот так. Я поеду. Ну и ты, само собой.

— Ну и я, да, — улыбаясь и качая головой, согласилась Ирина.

— Не перебивай давай! На чём я остановилась?

— На вокзале.

— А, ну да...

— А я думала, ты уже бывалая, — пожала плечами Ирина.

— Ой! — отмахнулась Зоя. — Какая бывалая?! Я вообще летать боюсь! А тут ещё это «вжу-вжу», я думала, у меня сердце выскочит... Просте, хосспаде...

— Да уж... — Ирина вздрогнула, прогоняя в памяти только что закончившийся полёт.

Сперва долго ругались на аэродроме Моздока. Андрей (прапорщик, с которым они ехали) тряс бумагами и указывал на потёртый тупорылый «газик», в котором они ехали от самых Минвод, пересев с нижегородского поезда. Командир вертолёт в ответ с пеной у рта доказывал, что погода ухудшается и что «никому там эти компотики нах не сдались, в живых бы остаться!» От лётчика женщины, ужаснувшись, узнали, что шестого марта «духи» снова напали на Грозный, и сейчас никакое не затишье, а вовсе даже настоящая война. Чуть позже подошли несколько офицеров, которым тоже нужно было в Ханкалу. Узнав в чём дело, они всё-таки упростили лётчиков добросить «гуманитарку». Потом все вместе перегружали коробки из «шестьдесят шестого» в вертолёт. В благодарность женщины одарили частью своего груза (а в коробках кроме консервированных компотиков были бритвы, мыло, носки и прочие важные мелочи) и Андрея с Жорой, и офицеров-попутчиков, и пилотов (командир отнекивался, но в конце концов сдался). Решили: раз неизвестно, можно ли доставить посылку адресатам, то пусть хоть так пойдёт в дело — в конце концов, везли солдатам, а никого других тут нет.

Потом был казавшийся бесконечно долгим полёт. Что Зоя боится летать, Ирина поняла сразу, как только вертолёт отделился от площадки: толстуха попеременно то выглядывала в иллюминатор, то приваливалась к стенке и что-то бормотала. Корреспондент тем временем расспрашивала попутчиков — кто, откуда и так далее — записывая в блокнот. Один — лейтенант Рябцев, танкист, оказалось, уже был в Чечне — во время «новогоднего» штурма Грозного, остальные прибыли в первый раз.

А где-то на полпути случилось то самое «вжу-вжу», о котором упомянула Зоя: грузовой отсек вертолёт наполнился отсветами огненных вспышек, бившими в иллюминаторы, а снаружи раздался жуткий воюще-жужжащий звук, очень громкий даже на фоне стрекочущего грохота винта. Зоя, истошно завизжав, обхватила голову руками и завалилась вперёд, прямо на коробки, Ирина тоже сжалась и зажмурила глаза. «Вот и всё», — подумала она. Но дальше ничего не случилось, полёт продолжался как ни в чём не бывало, и журналистка решила посмотреть: вертолёт был цел, и все были живы.

Офицеры сидели чуть побледневшие, а Рябцев заливался хохотом. Он объяснил, что это пилот отстреливал противоракетные тепловые ловушки, для профилактики. Так потом было ещё несколько раз. Зоя больше не кричала и не падала, а только зажмуривалась и закрывала ладонями уши.

А по приземлении была новая перепалка: уже со встречавшим офицеров направлением, разразившимся по поводу «бабья» длинной тирадой, в которой были «на хрена?», «тушёнка-сгущёнка» и отборный мат. Спас положение опять же Рябцев: заткнул крикуна (тот был младше званием, чем покрытый шрамами танкист) и приказал ему взять вместе с пассажирами и груз. В итоге часть «гуманитарки» уехала вместе с офицерами в один из сводных отрядов, а женщин и остатки груза согласились взять с собой встречающие от других подразделений...

— Вам не страшно? — громко спросил командир бронемшины, перекрикивая шум двигателя и гусениц. Ирина, не ожидавшая такого вопроса, задумалась:

— Ну, как сказать... На аэродроме, когда узнали, что опять бои, было страшно... И в полёте тоже немного страшновато...

— Да нет, — усмехнувшись, перебил её прапорщик. — В стране этой чёртовой страшно всем, и мне тоже. Я другое спросил: в машине вам не страшно? Не давит? — командир пристукнул кулаком по броне.

Журналистка покосилась на окрашенный белым потолок БМП. Ирину втиснули на оставшийся свободным уголок скамьи у невысокой перегородки, разделяющей подбашенный и пассажирский отсеки боевой машины; всё остальное пространство заднего отделения «бэхи», предназначавшегося для пехотинцев, занимали картонные коробки. Внутри действительно было душно и очень тесно, как в переполненном лифте, но терпимо. Об этом Ирина и сообщила:

— Сойдёт, не рассыплюсь.

— Вот и хорошо.

— Я-то ладно, а вы сами как в этих консервных банках ездите? — поинтересовалась журналистка.

— А сами мы не в них, а на них ездим, на броне. Ну, на крыше, — пробубнил командир, заметив вопросительное выражение в глазах спутницы. Дальше его неразборчивая речь (а прапорщик, словно куда-то торопясь, проглатывал половину слов) приняла какой-то извинительный тон. — Ну, понимаете, здесь мины везде, а броня-то — тонкая, взрыв не держит. Зацепишь — тех, кто внутри сидит, по стенкам размажет. В прямом смысле. Ну и, сами видите, тесновато.

Корреспондент сдержанно кивнула. После реплики прапорщика теснота машины отошла на второй план, уступив проблеме размазывания по стенкам. Командир машины меж тем продолжал:

— Хорошо, что вы такая тоненькая, да и не из пугливых. А то бывает бояться в «бэхе» ездить: клаустрофобия, «давит», — Ирина, услышав это объяснение боязни такой езды, не удержалась, чтобы не фыркнуть. Но прапорщик не заметил. — Мне первое время, ещё в срочную, тоже страшновато было, привык потом. А вот товарке вашей, наверное, тяжеловато придётся... Она такая полненькая...

... С Зоей расстались там же, в Ханкале, раньше, чем ожидали. Женщины думали, что проедут к «фронту» вместе (правда, обеим было совершенно неясно, где здесь фронт и есть ли он вообще), но получилось иначе.

Пока ждали прибытия остальных офицеров, которых должны были встречать направленные, выгрузили из вертолёта оставшуюся часть «гуманитарки». Ирина и Зоя, которых от этой работы по-джентльменски освободили, тихо переговаривались в стороне, прислушиваясь к изредка доносящимся звукам далёких выстрелов. Благотворительница при этом украдкой подглядывала за тем, как четверо солдат неспешно грузили коробки в приземистые, похожие на танки, гусеничные машины, которые кто-то из военных назвал «бэхами» (чуть позже прапорщик Котельников, с которым поехала Ирина, объяснит, что «бэха» — сокращение от «БМП», что означает «боевая машина пехоты»). Утренний туман, покрывающие старые машины грязь и ржавчина, и протяжные, как при замедленной съёмке, движения людей придавали картине какой-то сюрреалистический оттенок. Журналистка, в руках которой был фотоаппарат, не преминула запечатлеть этот сюжет на плёнку. Между тем, подошёл один из направленных и сказал, что больше вертолётов не будет — погода в Моздоке испортилась совсем — и ждать оставшихся поэтому нет смысла, придётся ехать обратно.

Груз уже успели уложить в «бэхи»; женщинам пришлось залезать в битком набитые машины через верх. Ирина, лёгкая и поджарая, проворно взобралась на крышу БМП и, протискиваясь в башенный люк, успела заметить, как трое военных пытаются затолкать кряхтящую Зою наверх второй машины. Ударившись головой о какую-то железку, журналистка, как ей указали, перелезла через маленькую перегородку и осторожно опустилась на обшарпанный дерматин скамьи. Бойцы, привычно и без лишних движений, заняли свои места, мехвод запустил двигатель, и БМП через пару минут прогрева тронулась с места.

На вопрос Ирины, а едет ли с ними вторая машина, командир ответил, что «бэха», в которой поедет Зоя, принадлежит к другому сводному отряду. «То есть, — пояснил он, — тут вы разъезжаетесь».

Журналистка помрачнела, представив, как «обрадуется» её спутница.

— А? — спросила Ирина, заметив, что прапорщик внимательно смотрит на неё, словно ожидая ответа.

— Говорю, давно знакомы с ней? Она тоже журналистка?

— Нет, нет, — замотала головой корреспондент. — Она гуманитарной помощью занимается. Товарищ прапорщик, а как вас зовут?

— Коля. В смысле, Николай Иванович.

— Николай Иванович, можно вас немного поспрашивать пока едем? — Ирина достала из нагрудного кармана свой всегдашний блокнот; за спираль вместо ручки был заткнут более надёжный «в поле» карандаш. — А то — журналистка, и ничего не написала ещё.

Командир машины оглянулся на сидящих спереди слева бойцов, пожал плечами.

— Ну...

«Николай Иванович КОТЕЛЬНИКОВ, прапорщик (среднего роста, рыжий, страшно бубнит). 70 г.р., детдомовский: мать алкоголичка, отец — сидел. 9 классов. После детдома — в армию, служить хотел (говорит: «А что бы я делал на гражданке-то? Таким, как я, только и служить. Было бы образование, а так...») Мотострелок, остался на сверхсрочную. Хочет выучиться и быть офицером»...

— М-мать!.. — крикнул сидящий за штурвалом боец. Ирина, вздрогнув от

неожиданности, опять стукнулась головой в низкий потолок и выронила блокнот. Водитель ударил по тормозам и направил машину влево, инерция шатнула пассажиров вперёд. Сквозь лязг гусениц и звенящую в голове боль журналистка услышала, что БМП уткнулась во что-то твёрдое.

— Сука! — прошипел Котельников. Вскочив с места, прапорщик открыл башенный люк и закричал, обращаясь к кому-то снаружи. — Ты что, урод, ослеп?! А ну, блядь!.. Сгинь с дороги!

В ответ ему посыпались состоящие из русского мата и нерусских слов (надо полагать, тоже не очень ласковых) выкрики. Шаря по полу в поисках блокнота, Ирина хорошо расслышала искажённую кавказским акцентом реплику: «Свиния! Борт памиял!»

— Сам ты свинья! — крикнул в свою очередь мехвод. — Водить научись! Убирайся с дороги, задавлю!

Между тем шум снаружи усиливался. По добавившимся женским голосам и детскому улюлюканью журналистка сообразила, что снаружи собиралась целая толпа. По броне забарабанили.

— Ты что?! Куда?! — странным удивлённо-негодующим голосом взревел прапорщик. — Слазь!

Кто-то взобрался на машину и пытался вытащить водителя из его люка. Боец отбивался, но две волосатые ручищи схватили его за шиворот и потянули наверх. Сидевший за мехводом боец уцепился за куртку товарища и стал тащить его обратно. Ирина, оцепенев от ужаса, наблюдала за этой картиной. Котельников нырнул в башню, схватил автомат и, лязгнув затвором, выскочил обратно.

— Убью, суки! Назад! — волосатые ручищи отцепились от мехвода, и боец мгновенно захлопнул свой люк. Нерусский гомон снаружи усилился ещё больше. — Отошли! Сказал, отошли! Стрелец, — крикнул прапорщик в машину, — наводи пушку, блядь!

Солдат, который сидел за мехводом, протиснулся в подбашенный отсек и беспомощно вскинув руки уставился на казённик орудия.

— Стрелец, наводи!

— Ты стрелец?! — спросила Ирина.

— Да!

— Так наводи!

— Не умею я! — истерично завизжал боец.

Снаружи раздалась длинная очередь, женский визг и непередаваемый звук бросившейся врассыпную толпы. Подумав, что сейчас начнётся перестрелка, Ирина затравленно глянула на Котельникова.

Но ничего страшного не случилось. Шум утих, и прапорщик опустил автомат. Снаружи донёлся зычный оклик:

— Какого тут происходит?!

— Товарищ майор! Эти залезли нам под гусеницы!

— Врот руски! Они нас шибли! Борт памиал! — завизжал чеченец так, что было отчётливо слышно даже внутри машины.

— Ты не шуми, потерпевший! А то я тебе не только капот помну! — угрожающе заявил невидимый Ирине майор. — Регистрационный номер видишь? Запиши и по команде передавай! И нех тут сборища устраивать! Канай, пока отпускают. Канай, канай отсюда!

Спустя несколько напряжённых секунд журналистка услышала что-то неразборчивое на незнакомом языке и стук закрывающихся дверей. Покашляв старым мотором, автомобиль чеченцев (судя по звуку, «козёл»), завёлся и покатил прочь.

— Спасибо, товарищ майор! — выдохнул Котельников.

— Обращайтесь. Толя, поехали!

Снаружи взревел ещё один мотор — гораздо более мощный. Мимо «бэхи» проехало что-то тяжёлое, вроде грузовика.

— Наши? — спросила Ирина.

— Ага, — Котельников тяжело опустился на сидение и утёр рукавом пот. — Вэвэшники. Ну, внутренние войска.

— А в кого мы врезались?

— Да в ментов местных, — вступил в разговор мехвод. — Вот уроды! Он же прямо под нос мне вылетел! Хорошо шли медленно, а то я бы его по асфальту раскатал!

— Да лучше бы раскатал... Поехали, — махнул рукой прапорщик.

— Есть.

Водитель снова запустил двигатель, и машина, взбрыкнув, тронулась с места. Ирина, собираясь с мыслями, пробежалась глазами по последней записи. Она хотела было снова обратиться с расспросами к прапорщику, но тут её внимание привлёк тощий паренёк, которого Котельников назвал стрельцом. Боец сидел неподвижно, уставившись в угол.

— Парень, а парень?

— Что?! — встrepенувшись, взвизгнул тот.

— Ты правда не умеешь стрелять из пушки?

— Не умею.

— Но... Почему? Ты же стрелец.

Парень дико посмотрел на женщину. Увидев этот взгляд, Ирина пожалела, что пристала к солдату. Она уже хотела извиниться, но боец неожиданно заговорил...

«Ефрейтор СТРЕЛЕЦ Фёдор Сергеевич, 1979 г., Ленинград. Пулемётчик. Отец — инженер, мать — учительница музыки. Очень нервный, с частыми перепадами, очень худой. Глаза странные.

... Да все думают, что это кличка такая. В школе, когда дошли по литературе до «Федота-стрельца», ребята потом дразнились долго ещё... Да я даже не дрался никогда! Я же учился скрипке. Видите (показывает пальцы)? На конкурсах выступал, лауреатом был, дважды... Когда повестка пришла, мама впала в прострацию, хотела с какой-то своей подругой договориться, врачом, чтобы не брали меня, но отец не дал. Он сам на флоте служил... Нет, не боялся. Наоборот даже: хотелось оторваться от всего этого... Учился, конечно, в той же школе, где мама работала. Конечно, «маменькиным сынком» считался. Хотелось доказать, что ничего подобного...

... Я с оружием быстро освоился: с тонким инструментом привык работать. Да, тонкий инструмент, не «толще» так сказать скрипки... Дали попробовать РПК и СВДшку, снайперскую винтовку, и сказали: выбирай. Выбрал пулемёт — солидней, мощнее. Когда присвоили ефрейтора и второго номера мне дали, под команду, очень горд был: сам добился!..

... Сюда приехали в декабре. Сначала просто стояли гарнизоном. Кое-где постреливали, доносилось, но у нас ничего такого не было. Потом, шестого числа, «чехи» опять в Грозном появились. Говорят, там просто ужас был. Нас взяли в сводный отряд, усилили танками и зенитками. Думал: сила, «духи» разбегаться будут. Ага, как же.

Три дня назад в первый раз в бой попали. Стали лагерем, ещё толком не закопались — пальба со всех сторон. Из миномётов и гранатомётов долбили... Впервые «на живую» стрелял. Потом долбанули нашу «бэху». Мы — в периметре лагеря, в старых окопах, ещё с прошлых боёв. А для машин рыли новые окопы каким-то бульдозером. Для нашей «бэхи» вырыть не успели, и она стояла открытая — вот и долбанули, кажется, из миномёта. Загорелась «бэха», потом снаряды внутри взорвались. А я в ячейке лежал со вторым номером: когда БМП подбили, его ранило, а меня оглушило, туман в голове. Мы совсем близко были. Нам бы при взрыве конец пришёл, если б нас танк не прикрыл... Буквально прикрыл, встал прямо над окопом. Но взрыв всё равно такой был, что меня опять оглушило. Пальцы теперь трясутся. Видите (показывает пальцы)?»

... Неожиданно парень прервался на полуслове. Ирина, ожидая продолжения, перевела взгляд на Стрельца: большие серо-зелёные глаза ефрейтора опять дико расширились, он снова уставился в никуда, будто увидев за спиной журналистки что-то невообразимо жуткое. Просидев так несколько мгновений, Стрелец помотал головой, буркнул «простите, пожалуйста» и отвернулся...

... В общей сложности путь от Ханкалы до лагеря занял час.

Ирина не сомневалась, что её ждёт «тёплый» приём. Так, естественно, и вышло: сначала свою порцию нецензурщины, посвящённой появлению «бабы на корабле», выслушал Котельников, потом распинавший прапорщика лейтенант переключился на журналистку. Правда, на Ирину (которую весьма позабавила его фамилия: Брысин) он орать не стал, а прочитал довольно здравую, в сущности, нотацию: что недавно был новый обстрел, что есть раненые, и что в зоне боевых действий нечего делать гражданским, тем более — женщинам, особенно — журналистам. На вопрос «Почему журналистам особенно?» Брысин ответил, не задумываясь: «Врёте много». Никак не отреагировав внешне, мысленно корреспондент согласилась с лейтенантом.

Но больше всего её огорчило, что груз они везли зря: весь «лагерь», по сути, состоял из окопов и зарытых в землю по башни бронемашин. Оставить «гуманитарку» было негде, и журналистка с большим трудом уговорила командира отряда, бровастого майора, взять хотя бы продукты и раздать бойцам.

А вот вымолить возможность остаться до вечера и посмотреть на боевую работу не получилось. Майор был непреклонен: «При всём уважении, барышня, к вашему бесстрашию — нет. Затишья здесь нет — есть тактическая пауза. И когда она кончится, будет новый бой. А посторонним на поле боя быть нежелательно, для их же безопасности. За ранеными придёт колонна, через немного времени, вот с ней вас назад и отправим. Пока ждёте, пишите свои корреспонденции, но не дольше. И от сопровождающего — ни на шаг!»

Журналистка не стала спорить: у неё не было контраргументов против слов майора. В компании Котельникова она ходила по лагерю от машины к машине, расспрашивая всех, кто соглашался говорить, и делая пометки в блокноте...

«Местность: стоим на холме, у подножия — два селения, большое и маленькое, разделены дорогой. Напротив нашей, справа от дороги — ещё высотка, большая, покрыта деревьями. Большое село таким образом стоит в лощине между нашей и второй высотой. Котельников говорит — боевики стреляли с большой высоты и из селений, прикрываясь домами. Туман сильный, говорят, предыдущие дни видимость была ещё хуже».

«Ст. лейт. ОРЛОВ Алексей Дмитриевич, ком. танк. взвода (светло-русый, среднего роста, улыбчивый, странно опрятный).

... Учился в Челябинске, в ВТКУ. Прибыл в начале января, с Урала, на должность командира взвода, 1-я танк. рота 678-го мотострелк. полка. Танки в роте — Т-72Б1, новые, 1985 года выпуска, с баз хранения (показывает на свою машину: на башне фара (?), на крышке фары белой краской рисунок мотоцикла [как на дорожном знаке] и надпись угловатыми буквами «Герой асфальта»). Мехвод написал, говорит — песня какая-то так называется, про мотогонщиков. Экипажи — из СибВО, молодцы ребята: водят и стреляют прекрасно, даже водители умеют включать СУО (управ. огнём) и стрелять. Полная взаимозаменяемость, то бишь...

... Я сам не очень опытный, честно сказать: за два месяца ещё не воевали. Первый раз в бою были позавчера. Сюда забрались утром, стали закрепляться. Часть окопов уже была, с 95-го ещё, сапёры их проверили на предмет мин. Для бронетехники рыли траншеи ИМР и БТС (инженерные машины). Где-то часов в 10 утра, прям в центре что-то шаркнуло. Ещё командир спрашивает корректировщика: «Вызывал огонь? – Нет!» А кругом уже разрывы и пули свистят. Я был у КШМ (?), до танка метров пятьдесят. Ну, рванул... Да толком не видать было: туман, видимости — метров 500. Лупили буквально

«в белый свет», наугад. Минут через двадцать после начала наводчик докладывает: справа горит «бэха». Высунулся в люк, смотрю: из ямы рядом с БМП пулемётчик стреляет, уходить не хочет. А вокруг мины рвутся. Наводчик: «Прикроем? — Корпусом, что ли? — Ну!» Кое-как прикрыли, тут в «бэхе» боекомплект рванул: башню отбросило, а у нас люки открытые были, по ушам хлопнуло изрядно, до вечера тошнило потом...»

«Лейтенант БРЫСИН И.К.

У нас тут вообще гостей много было за три дня. Ну, «чехи», понятно, со своими игрушками... Кстати, вооружены хорошо, твари: миномёты, граники, АГСы (?). С наших же складов, советских! Работают профессионально, особенно миномётчики и снайпера... А за час до вас ВВшники были, на БТРе, чистенькие такие. Приехали, постояли, походили. А тут как раз несколько одиночных мин упало: «чехи» беспокоящий огонь ведут. Эти постояли ещё чуть и уехали. Вы их должны были встретить, в дороге (!). Теперь, наверное, в новостях покажут: доблестные бойцы внутренних войск принимают участие в обороне высоты. Много врёте вы, много...

... Я ж не зря говорю, что гражданским тут делать нечего. Мы-то сами — уже привычные — ужасаемся бывает. Я тут с ноября ещё, навидался. Как-то ехали патрулём на «бэхе», вдруг метрах в двухстах — шапка взрыва. По газам! Подъехали: БТР перевёрнутый, днище лопнуло, колёса передние выбиты. На mine подорвался. Ребят, понятно, покалечило изрядно. У одного вместо ног до колен — лохмотья кровавые; лежит на асфальте, к руке автомат вместо шины примотан, безумными глазами в небо смотрит. Вот она жуть-то где! (сам высокий, тощий, на цаплю похож)»

Обещанная майором колонна прибыла в два часа пополудни: четыре гусеничных бронетранспортёра без башен (таких Ирина ещё не видела); во главе кавалькады машин шёл танк с прицепленным на носу странным агрегатом с колёсами (Котельников объяснил, что это противоминный трал). Два из прибывших БТР были с красными крестами. Пока санитары грузили раненых, Ирина стояла у машин и совала лежащим на

носилках бойцам банки с консервами, которые прихватила, по несколько штук, из коробок. Кому-то доставалась сгущёнка, кому-то — абрикосовый компот. Последнему попался консервированный ананас; Ирина рассмеялась и хотела зажать «трофей» в руке солдата, но тот, помрачнев, ответил, что ему оторвало осколками все пальцы.

Обратно почему-то поехали без танка-тральщика: только санитарные машины и «бэха» Котельникова. Ехали молча: командир следил за обстановкой; Федя Стрелец сидел, судорожно обняв свой пулемёт; водителю, понятно, было не до разговоров; а Ирина никак не могла выкинуть из головы последнюю виденную ей военную картинку — мрачное лицо солдата с оторванными пальцами.

Расставаясь в Ханкале с экипажем «бэхи», Ирина попросила Котельникова, Федю и Александра (мехвод представился просто: «Александр», фамилию журналистка так и не узнала) сфотографироваться на память. Так она их и запечатлела: усталый рыжий прапорщик; серьёзный, даже солидный, водитель, и пулемётчик с испуганно-детскими глазами на фоне борта старой БМП.

Погода вроде бы чуть улучшилась, и вертолёты летали. Раненых, конечно, отправили первым рейсом. Журналистке тоже предлагали место, но она отказалась: нужно было дожидаться Зою; благотворительницу, перепачканную в грязи и заплаканную, привезли на аэродром только два часа спустя...

— Полозова, ты совсем, что ли?! — редактор встряхнул пачкой исписанных листов. — Ир, ну что это? Раненые, оторванные пальцы... Стычки с местными... Я о чём тебе сказал писать?

— О дружбе народов, помню. Вот такая там «дружба народов» сейчас, — пожала плечами Ирина.

Ваганыч покачал головой.

— Ох, Полозова, Полозова... Дорисуй-ка мне вот это, про «Героя Асфальта». Чтобы было в лучших традициях: «В Н-ской части, где командиром товарищ Иванов, героические бойцы» и так далее, понятно? Это пуцу в печать, а остальное — ни-ни. Нельзя сейчас такое печатать.

— То есть правда опять остаётся в тени?

— «Опять»! — передразнил редактор. — Не «опять», а всё ещё. Забыла ты, в какой стране живёшь, ой, забыла...

— Да уж... Знаете Полибия?

— А, который историк? Грек? Знаю. А что?

— Ничего, — Ирина, собирая свои черновики, отрицательно помотала головой...

Ничто так не объясняет настоящее, как знание прошлого.

Полибий.

Автор выражает благодарность Е.Г. Шевелёвой и А. Соколову, на чьих воспоминаниях основан данный текст.